

§ 4. Различие синхронии и диахронии, показанное на сравнениях

Чтобы показать одновременно и автономность и зависимость синхронического ряда от диахронического, первый из них можно сравнить с проекцией тела на плоскость. В самом деле, всякая проекция непосредственно зависит от проецируемого тела, и все-таки она представляет собою нечто особое, отличное от самого тела. Иначе не было бы специальной науки о проекциях: достаточно было бы рассматривать сами тела. В лингвистике таково же отношение между исторической действительностью и данным состоянием языка, представляющим как бы проекцию этой действительности в тот или иной момент. Синхронические состояния познаются не путем изучения тел, то есть диахронических событий, подобно тому как понятие геометрических проекций не постигается в результате изучения, хотя бы весьма пристального, различных видов тел. <...>

Из всех сравнений, которые можно было бы придумать, наиболее показательным является сравнение, которое можно провести между функционированием языка и игрой в шахматы. И здесь и там налицо система значимостей и наблюдаемое изменение их. Партия в шахматы есть как бы искусственная реализация того, что в естественной форме представлено в языке.

Рассмотрим это сравнение детальнее.

Прежде всего, понятие позиции в шахматной игре во многом соответствует понятию состояния в языке. Соответствующая значимость фигур зависит от их положения в каждый данный момент на доске, подобно тому как в языке значимость каждого элемента зависит лишь от его противоположения всем прочим элементам.

Далее, система всегда моментальна; она видоизменяется от позиции к позиции. Правда, значимость фигур зависит также, и даже главным образом, от неизменного соглашения: от правил игры, существующих еще до начала партии и сохраняющих свою силу после каждого хода. Но такие правила, принятые раз навсегда, существуют и в области языка: это неизменные принципы семиологии.

Наконец, для перехода от одного состояния равновесия к другому или — согласно принятой нами терминологии — от одной синхронии к другой достаточно сделать ход одной фигурой; не требуется передвижки всех фигур сразу. Здесь мы имеем полное соответствие диахроническому факту со всеми его особенностями. В самом деле:

а) Каждый шахматный ход приводит в движение только одну фигуру; так и в языке изменениям подвергаются только отдельные элементы.

б) Несмотря на это, каждый ход сказывается на всей системе; игрок не может в точности предвидеть последствия каждого хода. Изменения значимостей всех фигур, которые могут произойти вследствие данного хода, в зависимости от обстоятельств будут либо ничтожны, либо весьма значительны, либо, в общем, скромны. Один ход может коренным образом изменить течение всей партии и повлечь за собой последствия даже для тех фигур, которые в тот момент, когда его делали, были им не затронуты. Мы уже видели, что точно то же верно и в отношении языка.

в) Ход отдельной фигурой есть факт, абсолютно отличный от предшествовавшего ему и следующего за ним состояния равновесия. Произведенное изменение не относится ни к одному из этих двух состояний; для нас же важны одни лишь состояния.

В шахматной партии любая данная позиция характеризуется, между прочим, тем, что она совершенно независима от всего того, что ей предшествовало; совершенно безразлично, каким путем она сложилась; зритель, следивший за всей партией с самого начала, не имеет ни малейшего преимущества перед тем, кто пришел взглянуть на положение партии в критический момент; для описания данной шахматной позиции совершенно незачем вспоминать о том, что происходило на доске десять секунд тому назад. Все это рассуждение применимо и к языку и еще раз подчеркивает коренное различие, проводимое нами между диахронией и синхронией. Речь функционирует лишь в рамках данного состояния языка, и в ней нет места изменениям, происходящим между одним состоянием и другим.

Лишь в одном пункте наше сравнение неудачно: у шахматиста *имеется намерение* сделать определенный ход и воздействовать на систему отношений на доске, язык же ничего не замышляет — его «фигуры» передвигаются, или, вернее, изменяются, стихийно и случайно. Умлаут в формах *Hände* вместо *hanti* и *Gäste* вместо *gasti* создал множественное число нового вида, но он также вызвал к жизни и глагольную форму *trägt* вместо *tragit* и т.д. Чтобы партия в шахматы во всем уподобилась функционированию языка, необходимо представить себе бессознательно действующего или ничего не смыслящего игрока. Впрочем, это единственное отличие делает сравнение еще более поучительным, показывая абсолютную необходимость различать в лингвистике два ряда явлений. В самом деле, если диахронические факты несводимы к обусловленной ими синхронической системе даже тогда, когда соответствующие из-

менения подчиняются разумной воле, то тем более есть основания полагать, что так обстоит дело и тогда, когда эти диахронические факты проявляют свою слепую силу при столкновении с организованной системой знаков.

§ 5. Противопоставление синхронической и диахронической лингвистик в отношении их методов и принципов

Противопоставление между диахроническим и синхроническим проявляется всюду. Прежде всего (мы начинаем с явления наиболее очевидного) они не одинаковы по своему значению для языка. Ясно, что синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он — подлинная и единственная реальность. Это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющих его событий. <...>

Методы синхронии и диахронии тоже различны, и притом в двух отношениях:

а) Синхрония знает только одну перспективу, перспективу говорящих, и весь ее метод сводится к собиранию от них языковых фактов; чтобы убедиться, в какой мере то или другое языковое явление реально, необходимо и достаточно выяснить, в какой мере оно существует в сознании говорящих. Напротив, диахроническая лингвистика должна различать две перспективы: одну *проспективную*, следующую за течением времени, и другую *ретроспективную*, направленную вспять; отсюда — раздвоение метода. <...>

б) Второе различие вытекает из разницы в объеме той области, на которую распространяется та и другая дисциплина. Объектом синхронического изучения является не все совпадающее по времени, а только совокупность фактов, относящихся к тому или другому языку; по мере надобности подразделение доходит до диалектов и поддиалектов. <...> Наоборот, диахроническая лингвистика не только не требует подобной специализации, но и отвергает ее; рассматриваемые ею элементы не принадлежат обязательно к одному языку (ср. и.-е. **esti*, греч. *ésti*, нем. *ist*, франц. *est*). Различие же между отдельными языками создается последовательным рядом событий, развертывающихся в языке на временной оси и умножаемых действием пространственного фактора. Для сопоставления двух форм достаточно, если между ними есть историческая связь, какой бы косвенной она ни была.

<...> Таким образом, синхроническое явление не имеет ничего общего с диахроническим: первое есть отношение между одновременно существующими элементами, второе — замена во времени

одного элемента другим, то есть событие. Мы увидим ниже, что тождества диахронические и синхронические суть вещи совершенно различные: исторически французское отрицание *pas* «не» тождественно существительному *pas* «шаг», тогда как в современном языке это два совершенно разных элемента. Уже этих констатаций, казалось бы, было достаточно для уяснения того, что смешивать обе точки зрения нельзя. <...>

§ 6. Синхронический закон и закон диахронический

Мы привыкли слышать о законах в лингвистике, но действительно ли факты языка управляются законами и какого рода могут быть эти законы? Поскольку язык есть общественное установление, можно было бы а priori сказать, что он регулируется предписаниями, аналогичными тем, которые управляют жизнью общества. Как известно, всякий общественный закон обладает двумя основными признаками: он является *императивным* и *всеобщим*. Он обязателен для всех, и он распространяется на все случаи, разумеется, в определенных временных и пространственных границах.

Отвечают ли такому определению законы языка? Чтобы выяснить это, надо прежде всего, в соответствии с только что сказанным, и здесь еще раз разделить сферы синхронического и диахронического. Перед нами две разные проблемы, смешивать которые нельзя: говорить о лингвистическом законе вообще равносильно желанию схватить призрак. <...>

Синхронический закон — общий закон, но не императивный; попросту отображая существующий порядок вещей, он только констатирует некое состояние, он является законом постольку же, поскольку законом может быть названо, например, утверждение, что в данном фруктовом саду деревья посажены косыми рядами. Отображаемый им порядок вещей непрочен как раз потому, что этот порядок не императивен. Казалось бы, можно возразить, что в речи синхронический закон обязателен в том смысле, что он навязан каждому человеку принуждением коллективного обычая; это верно, но мы ведь понимаем слово «императивный» не в смысле обязательности по отношению к говорящим — отсутствие императивности означает, что в языке нет никакой силы, гарантирующей сохранение регулярности, установившейся в каком-либо пункте. Так, нет ничего более регулярного, чем синхронический закон, управляющий латинским ударением; <...> между тем эти правила ударения не устояли перед факторами изменения и уступили место новому закону, действующему во французском

языке. Таким образом, если и можно говорить о законе в синхронии, то только в смысле упорядочения, в смысле принципа регулярности.

Диахрония предполагает, напротив того, динамический фактор, приводящий к определенному результату, производящий определенное действие. Но этого императивного характера недостаточно для применения понятия закона к фактам эволюции языка: о законе можно говорить лишь тогда, когда целая совокупность явлений подчиняется единому правилу, а диахронические события всегда в действительности носят случайный и частный характер, несмотря на видимые исключения из этого.

В отношении семантических факторов это сразу же бросается в глаза: если франц. *poutre* «кобыла» приняло значение «балка», то это было вызвано частными причинами и не зависело от прочих изменений, которые могли произойти в языке в тот же период времени; это было чистой случайностью из числа многих случайностей, регистрируемых историей языка.

В отношении синтаксических и морфологических изменений вопрос на первый взгляд не так ясен. В какой-то период все формы прежнего именительного падежа во французском языке исчезли. Разве здесь нет совокупности фактов, подчиненных общему закону? Нет, так как все это является лишь многообразным проявлением одного и того же отдельного факта. Затронутым преобразованием оказалось самое понятие именительного падежа, и исчезновение его, естественно, повлекло за собою исчезновение всей совокупности его форм. Для всякого, кто видит лишь поверхность языка, единственный феномен оказывается скрытым за множеством его проявлений; в действительности же он один, по самой глубинной своей сути, и составляет историческое событие, столь же отдельное в своем роде, как и семантическое изменение, происходящее со словом *poutre* «кобыла»; он принимает облик «закона» лишь постольку, поскольку осуществляется в системе; строгая упорядоченность этой последней и создает иллюзию, будто диахронический факт подчиняется тем же условиям, что и синхронический.

Так же обстоит дело и в отношении фонетических изменений, а между тем обычно говорят о фонетических законах. В самом деле, констатируется, что в данный момент, в данной области все слова, представляющие одну и ту же звуковую особенность, подвергаются одному и тому же изменению. <...> Эта регулярность, которую иногда оспаривали, представляется нам весьма прочно установленной; кажущиеся исключения не устраняют неизбежного характера изменений этого рода, так как они объясняются либо

более частными фонетическими законами, < ... > либо вмешательством фактов иного порядка (например, аналогии и т.п.). Ничто, казалось бы, лучше не отвечает данному выше определению понятия «закон». А между тем, сколь бы ни были многочисленны случаи, на которых подтверждается фонетический закон, все охватываемые им факты являются всего лишь проявлением одного частного факта. <...>

В своем утверждении, что сами слова непосредственно не участвуют в фонетических изменениях, мы опираемся на то простое наблюдение, что такие изменения происходят фактически независимо от слов и не могут затронуть их в их сущности. Единство слова образовано ведь не только совокупностью его фонем, оно держится не на его материальном качестве, а на иных его свойствах. Предположим, что в рояле фальшивит одна струна: всякий раз, как, исполняя мелодию, будут к ней прикасаться, зазвучит фальшивая нота. Но где именно она зазвучит? В мелодии? Конечно, нет: затронута не она, поврежден ведь только рояль. Совершенно то же самое происходит в фонетике. Система наших фонем представляет собою инструмент, на котором мы играем, произнося слова языка; видоизменись один из элементов системы, могут произойти различные последствия, но сам факт изменения затрагивает совсем не слова, которые, так сказать, являются лишь мелодиями нашего репертуара.

Итак, диахронические факты носят частный характер: сдвиги в системе происходят в результате событий, которые не только ей чужды, но сами изолированы и не образуют в своей совокупности системы.

Резюмируем: синхронические факты, каковы бы они ни были, обладают определенной регулярностью, но совершенно лишены какого-либо императивного характера; напротив, диахронические факты навязаны языку, но не имеют характера общности.

Короче говоря — к чему мы и хотели прийти, — ни синхронические, ни диахронические факты не управляются законами в определенном выше смысле. Если тем не менее, невзирая ни на что, угодно говорить о лингвистических законах, то термин этот должен иметь совершенно разное значение в зависимости от того, с чем мы его соотносим: с явлениями синхронического или с явлениями диахронического порядка. <...>

Часть вторая

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Глава 5

Синтагматические отношения и ассоциативные отношения

§ 1. Определения

Итак, в каждом данном состоянии языка все покоится на отношениях. Что же представляют собою эти отношения?

Отношения и различия между членами языковой системы развертываются в двух разных сферах, каждая из которых образует свой ряд значимостей; противопоставление этих двух рядов позволит лучше уяснить природу каждого из них. Они соответствуют двум формам нашей умственной деятельности, равно необходимым для жизни языка.

С одной стороны, слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно. Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать *синтагмами*. Таким образом, синтагма всегда состоит минимум из двух следующих друг за другом единиц (например, *re-lire* «перечитать», *contre tous* «против всех», *la vie humaine* «человеческая жизнь», *s'il fait beau temps, nous sortirons* «если будет хорошая погода, мы пойдем гулять» и т.п.). Член синтагмы получает значимость лишь в меру своего противопоставления либо тому, что ему предшествует, либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе.

С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения. Так, слово *enseignement* «обучение» невольно вызывает в сознании множество других слов (например, *enseigner* «обучать», *renseigner* «снова учить» и др., или *armement* «вооружение», *changement* «перемена» и др., или *éducation* «образование», *apprentissage* «учение» и др.), которые той или иной чертой сходны между собою.

Нетрудно видеть, что эти отношения имеют совершенно иной характер, нежели те отношения, о которых только что шла речь. Они не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти каждого индивида сокрови-

щу, которое и есть язык. Эти отношения мы будем называть *ассоциативными отношениями*.

Синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда *in absentia*.

Языковую единицу, рассмотренную с этих двух точек зрения, можно сравнить с определенной частью здания, например с колонной: с одной стороны, колонна находится в определенном отношении с поддерживаемым ею архитравом¹ — это взаиморасположение двух единиц, одинаково присутствующих в пространстве, напоминает синтагматическое отношение; с другой стороны, если эта колонна дорического ордера, она вызывает в мысли сравнение с другими ордерами (ионическим, коринфским и т.д.), то есть с такими элементами, которые не присутствуют в данном пространстве, — это ассоциативное отношение.

Каждый из этих рядов отношений требует некоторых специальных замечаний.

§ 2. Синтагматические отношения

Наши примеры уже позволяли заключить, что понятие синтагмы относится не только к словам, но и к сочетаниям слов, к сложным единицам всякого рода и любой длины (сложные слова, производные слова, члены предложения, целые предложения).

Недостаточно рассмотреть отношения, объединяющие отдельные части синтагмы между собою (например, *contre* «против» и *tous* «всех» в синтагме *contre tous* «против всех» или *contre* и *maître* в синтагме *contremaître* «старший рабочий», «мастер»); нужно также принимать во внимание то отношение, которое связывает целое с его частями (например, *contre tous* по отношению к *contre*, с одной стороны, и к *tous*, с другой стороны, или *contremaître* — по отношению к *contre*, с одной стороны, и *maître*, с другой стороны).

Здесь можно было бы возразить: поскольку типичным проявлением синтагмы является предложение, а оно принадлежит речи, а не языку, то не следует ли из этого, что и синтагма относится к области речи? Мы полагаем, что это не так. Характерным свойством речи является свобода комбинирования элементов; надо, следовательно, поставить вопрос: все ли синтагмы в одинаковой мере свободны?

¹ В греческой и римской архитектуре — лежащий непосредственно на капители колонн поперечный брус. — *Прим. сост.*

Прежде всего, мы встречаемся с огромным количеством выражений, относящихся, безусловно, к языку: это те вполне готовые речения, в которых обычай воспрещает что-либо менять даже в том случае, если по зрелом размышлении в них можно различить значимые части, например *à quoi bon?* «к чему?», *allons donc!* «да полноте же!» и т.д. Приблизительно то же, хотя в меньшей степени, относится к таким выражениям, как *prendre la mouche* «сердиться по пустякам», *forcer la main à quelqu'un* «принудить к чему-либо», *rompre une lance* «ломать копья», *avoir mal à (la tête...)* «чувствовать боль (в голове и т.д.)», *pas n'est besoin de...* «нет никакой необходимости...», *que vous en semble?* «что вы думаете об этом?». Узуальный характер этих выражений вытекает из особенностей их значения или их синтаксиса. Такие обороты не могут быть импровизированы; они передаются готовыми, по традиции. Можно сослаться еще и на те слова, которые, будучи вполне доступными анализу, характеризуются тем не менее какой-либо морфологической аномалией, сохраняемой лишь в силу обычая (ср. *difficulté* «трудность» при *facilité* «легкость», *mourrai* «умру» при *dormirai* «буду спать»).

Но это не все. К языку, а не к речи надо отнести и все типы синтагм, которые построены по определенным правилам. В самом деле, поскольку в языке нет ничего абстрактного, эти типы могут существовать лишь в том случае, если в языке зарегистрировано достаточное количество их образцов. Когда в речи возникает такая импровизация, как *indécorable*¹, <...> она предполагает определенный тип, каковой в свою очередь возможен лишь в силу наличия в памяти достаточного количества подобных слов, принадлежащих языку (*impardonnable* «непростительный», *intolérable* «нетерпимый», *infatigable* «неутомимый» и т.д.). Точно то же можно сказать и о предложениях и словосочетаниях, составленных по определенному шаблону; такие сочетания, как *la terre tourne* «земля вращается», *que vous dit-il?* «что он вам сказал?», отвечают общим типам, которые в свою очередь принадлежат языку, сохраняясь в памяти говорящих.

Но надо признать, что в области синтагм нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы. Во многих случаях представляется затруднительным отнести туда или сюда данную комбинацию единиц, потому что в создании ее участвовали оба фактора, и в таких пропорциях, определить которые невозможно.

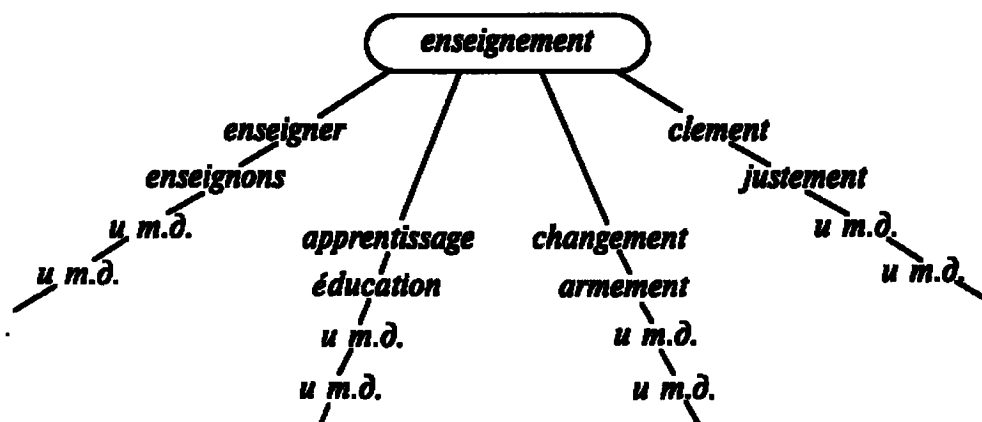
¹ «Неукрашаемый» (франц.). — Прим. сост.

§ 3. Ассоциативные отношения

Образуемые в нашем сознании ассоциативные группы не ограничиваются сближением членов отношения, имеющих нечто общее, — ум схватывает и характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений. Так, в *enseignement* «обучение», *enseigner* «обучать», *enseignons* «обучаем» и т.д. есть общий всем членам отношения элемент — корень; но то же слово *enseignement* может попасть и в другой ряд, характеризуемый общностью другого элемента — суффикса: *enseignement* «обучение», *armement* «вооружение», *changement* «изменение» и т.д.; ассоциация может также покоиться единственно на сходстве означаемых (*enseignement* «обучение», *instruction* «инструктирование», *apprentissage* «учение», *éducation* «образование» и т.д.), или, наоборот, исключительно на общности акустических образов (например: *enseignement* «обучение» и *justement* «справедливо»). Налицо, таким образом, либо общность как по смыслу, так и по форме, либо только по форме, либо только по смыслу. Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться.

В то время как синтагма сразу же вызывает представление о последовательности и определенном числе сменяющих друг друга элементов, члены, составляющие ассоциативную группу, не даны в сознании ни в определенном количестве, ни в определенном порядке.

Если начать подбирать ассоциативный ряд к таким словам, как *désir-aux* «жаждущий», *chaleur-eux* «пылкий» и т.д., то нельзя наперед сказать, каково будет число подсказываемых памятью слов и в каком порядке они будут возникать. Любой член группы можно рассматривать как своего рода центр созвездия, как точку, где сходятся другие, координируемые с ним члены группы, число которых безгранично.

Впрочем, из этих двух свойств ассоциативного ряда — неопределенности порядка и безграничности количества — лишь первое всегда налицо; второе может отсутствовать, как, например, в том характерном для этого ряда типе, каковым являются парадигмы словоизменения. В таком ряду, как лат. *dominus, dominī, dominō* и т.д., мы имеем ассоциативную группу, образованную общим элементом — именной основой *domin-*, но ряд этот небезграничен, наподобие ряда *enseignement, changement* и т.д.: число падежей является строго определенным, но порядок их следования не фиксирован и та или другая группировка их зависит исключительно от произвола автора грамматики; в сознании говорящих именительный падеж — вовсе не первый падеж склонения; члены парадигмы могут возникать в том или ином порядке чисто случайно.